

И. К. Шабанова

ПРАВОВОЙ ПРОИЗВОЛ НАЧАЛА 1920-х гг. В ТЮМЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Революционные потрясения, братоубийственная война и политика военного коммунизма вызвали небывалый рост преступности. Свободный доступ к оружию, политическая жестокость, повлекшая за собой жестокость бытовую, способствовали разгулу открытого бандитизма, грабежам, насилию и убийствам. Крайнее обнищание, разруха и голод, охватившие как всю страну, так и Западную Сибирь, толкали на путь имущественных преступлений буквально все слои населения. Преобладали должностные преступления, в том числе воровство из государственных и общественных учреждений, складов, мельниц и контор, а также кражи скота и продуктов, совершенные по причине крайней нужды.

В условиях роста правонарушений крайне остро ощущалась необходимость в крепкой правоохранительной системе, защищающей права граждан. Однако большевистское руководство, занятое проблемами укрепления своей власти и мировыми задачами революции, рассматривало правоохранительные органы прежде всего как орудие диктатуры пролетариата, призванное карательными методами подавлять классовых врагов. Кроме того, в большевистской среде доминировала точка зрения, что право — пережиток буржуазного общества, и с победой мировой революции и наступлением коммунизма правовые учреждения будут ликвидированы. Подобное отношение к юстиции порождало на деле анархию, произвол и бесконтрольность.

Пользуясь слабостью руководства на местах, плохой связью с центром, правоохранительные органы Тюменской губернии в начале 1920-х гг. возглавили «предприимчивые» люди, которые в целях личных интересов определяли порядок и законность на подвластной им территории.

Согласно большевистской кадровой политике, в судебных органах могли работать только «свои люди» — принадлежащие к рабоче-крестьянскому классу и «преданные делу революции». Теоретическая или практическая подготовка народного судьи была желательна, но не обязательна¹. Осуществление такой политики на практике приводило ко множеству проблем.

В Тюмени и Тобольске судьями становились преимущественно члены партии и профсоюзов (нередко приглашавшиеся даже с трудовой биржи), а в уездах — в основном крестьяне, «стоящие на платформе советской власти»². Они не только не имели пред-

¹ Положение о народном суде РСФСР. 30 ноября 1918 г. // Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1966. Т. IV. С. 97; ГУ ГАТО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 9. Л. 43.

² ГУ ГАТО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 7. Лл. 35–39.

ставления о юридической практике, но зачастую были даже неграмотны³. Выходцы из крестьян часто с наступлением весенне-полевых работ уходили из судебных органов⁴.

Кроме того, жалование судебных работников было скудным (паек состоял из 33 фунтов муки и нескольких фунтов других продуктов) и выплачивалось с задержкой на 3–4 месяца. Судьи были обречены на голодовку, и им приходилось надолго отлучаться от дел в поисках пропитания⁵. В результате многие лица, пригодные к работе в судебных органах, устраивались в другие учреждения, лучше обеспечивающие их существование. Многие судебно-следственные участки в уездах не функционировали из-за отсутствия работников, желающих занять эти должности⁶.

Высокая текучесть кадров не оправдывала тот расчет, что судьи обучатся в процессе практической работы: большинство оказывалось и без образования, и без опыта. В результате работники юстиции допускали множество судебных ошибок⁷.

Положение с милицмейскими кадрами было еще более удручающим: к ним предъявлялось меньше требований, а материальное обеспечение было хуже. В целом на службу в правоохранительные органы шли случайные люди, которые ни по своим знаниям, ни по опыту, ни по моральным принципам не должны были бы устанавливать законность. Нередко они искали место с освобождением от чрезвычайных налогов, либо надеялись воспользоваться своим служебным положением в корыстных целях.

Сотрудники основных правоохранительных органов губернии – милиции, Тюменского губернского революционного трибунала и Тюменского губернского уголовного розыска, в начале 1920-х гг. не только не боролись с ростом правонарушений, но и сами, прикрывая друг друга, совершили ряд должностных преступлений.

Возглавивший Тюменский губернский уголовный розыск 1 апреля 1921 г. Иван Брыляков, выходец из Вятской губернии, создал за короткий срок организованное преступное сообщество с широкими полномочиями, безнаказанно действовавшее в Тюмени и окрестностях до 9 марта 1922 г.⁸. Глава уголовного розыска окружил себя преимущественно молодыми и беспринципными людьми, прибывшими из разных губерний. Брыляков допускал разного рода преступления своих подчиненных и сам участвовал в них. В итоге Тюменский губернский уголовный розыск превратился из аппарата сыска в аппарат расправы, даже мести и расстрелов. Приведенные ниже факты были отражены в обвинительном приговоре по делу Тюменского губернского уголовного розыска⁹.

Глава уголовного розыска намеренно формировал аппарат агентов из ранее судимых личностей с «темным» прошлым, освобождая некоторых из них из тюрьмы якобы для «секретных работ». Кроме того, администрация губрозыска вербовала в качестве осведомителей лиц, находящихся под следствием. Обычно им предлагали освобождение при условии дальнейшего «сотрудничества». За определенную взятку (в виде продуктов, одежды, са-

³ Там же: Ф. 1. Оп. 1. Д. 57. Лл. 3, 28, 29.

⁴ Там же: Ф. 282. Оп. 1. Д. 18. Л. 15 (об.).

⁵ Там же: Ф. 280. Оп. 1. Д. 17. Л. 108; Д. 19. Л. 53; Ф. 282. Оп. 1. Д. 17. Л. 113.

⁶ Там же: Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 39; Д. 57. Л. 25.

⁷ Там же: Ф. 282. Оп. 1. Д. 7. Л. 1; Ф. 263. Оп. 1. Д. 13. Л. 83; Д. 41. Лл. 202–219.

⁸ Там же. Ф. 263. Оп. 1. Д. 7. Л. 100.

⁹ Там же. Лл. 100–113.

могана) уголовные дела приостанавливались, либо закрывались вовсе. Завербованные таким образом лица никакой полезной работы для губрозыска не выполняли, а совершали новые преступления под его прикрытием. При такой постановке дела администрация губрозыска поголовно пьянствовала, часто устраивала пьяные оргии и драки на квартирах уголовников и существовала почти на полном иждивении криминального мира.

С целью вымогательства руководство уголовного розыска провоцировало взятки, дела и аресты невинных граждан. Так, безосновательно было заведено дело на заведующего центральным складом Губпродкома гр. Носкова. В ходе «следствия» и ревизии начальство губрозыска растратило часть запасов центрсклада и вымогало взятку за освобождение Носкова у его жены в размере 120 млн. рублей. Взятки и нужные показания сотрудники уголовного розыска получали также путем избиения арестованных, издевательств и насилия при допросах.

В порядке вещей были случаи, когда отбираемое агентами губрозыска при обысках, у случайно задержанных и пойманных с поличным граждан имущество присваивалось Брыляковым себе или щедро раздаривалось сотрудникам. Расхищались даже вещественные доказательства, которые выдавались сотрудникам во временное или постоянное пользование по частным запискам начальства уголовного розыска.

Брыляков прибегал при необходимости и к мошенническим методам. Чтобы незаконно арендовать мельницу в д. Труфановой Тюменского уезда, он вместе с парой сотрудников приехал к арендаторше С. Агент Ш., играя фиктивную роль следователя ГПУ, обвинил последнюю в том, что мельница взята в аренду якобы через взятку служащим Совнархоза, и заставил ее отказаться от своих прав. После чего аренду оформили на брата жены Брылякова и других подставных лиц. Затем и начальник уголовного розыска получил в аренде мельницы пай.

Но самыми чудовищными преступлениями сотрудников уголовного розыска были самочинные расстрелы граждан. Губрозыск не имел никакого права на самосуд, и хладнокровные убийства отражались в официальных бумагах как «расстрелы при побегах» либо вовсе скрывались.

Например, когда на станции Тюмень были выявлены железнодорожные хищения, начальство губрозыска составило список подозреваемых, часть которых решено было расстрелять. Рядовые сотрудники получили от руководства уголовного розыска ордер на арест и устный приказ о расстреле. Так, агент В. беспрекословно выполнил распоряжение, застрелив дорогой арестованного П. двумя выстрелами из винтовки. В рапорте агент написал, что П. убит при побеге. Другого подозреваемого — М., агенты губрозыска В., А. и К. ранили из нагана, отвезли на кладбище в «покойницу» и живым спустили в ледник, где тот и скончался за заколоченной гвоздями дверью.

Сотрудники угрозыска Т. и М. зимним вечером забрали из камеры тюрьмы арестованных по другому делу граждан З. и В., от-

вели их на Туру, расстреляли, а трупы спустили в прорубь. Возвратившись, они поделили между собой принадлежавшие убитому В. отрез ткани, одежду и деньги на сумму 1500000 рублей, а затем М. написал рапорт, что З. и В. бежали.

Но распоряжения о расстрелах отдавались не только на подозреваемых или арестованных, но и на лиц, в отношении которых дел в губрозыске не имелось. Так, после публичной драки на почве ревности жены Брылякова и его любовницы М., начальник угрозыска лично отдал приказ расстрелять последнюю, что и было сделано агентом Р. в ограде здания уголовного розыска.

Сотруднику К. начальником секретного отдела Л. было отдано распоряжение отвезти на Текутьевское кладбище расстрелянного агентом К. 12-ти летнего мальчика Г. При отправке К. заметил, что ребенок жив, о чем доложил Л. Однако последний приказал везти и «дорогой добить» Г. По пути на кладбище мальчик зашевелился и стал кричать, тогда К. пристрелил его двумя выстрелами из нагана.

Начальник губернской милиции К. Г. Желтовский, регулярно бывавший в губрозыске и тесно общавшийся с его сотрудниками, старался не замечать происходящего. Общественности хорошо было известно о взяточничестве в милиции¹⁰.

Возглавлявший с 1921 г. Тюменский губернский революционный трибунал И. Н. Перетягин, согласно докладу заведующего губернским отделом юстиции Н. С. Пяткова, «регулярно пьянствовал с ответственными работниками губернского уголовного розыска»¹¹, из-за чего запустил ведение дел в трибунале. Кроме того, он «проводил единоличные распоряжения диктаторским образом», отступая от распоряжений ВЦИК, НКЮ, Верховного трибунала, и не считался со мнением сотрудников. Это приводило к крупным конфликтам между Перетягиным и членами трибунала, вплоть до случаев угрозы ареста и расстрела с его стороны. За это время накопилась масса нерешенных «политических» дел, под следствием находились люди еще с 1919 г.

Хоть как-то соблюсти рамки законности пыталось руководство губернских органов судебного управления – губернского отдела юстиции и губернского Совета народных судей. Но в условиях катастрофической нехватки кадров и финансирования они не могли сколько-нибудь значительно улучшить ситуацию.

Все перечисленные проблемы и обстоятельства не особенно заботили губернские партийные и советские органы, так как они относились к суду невнимательно, считая его чуть ли не «лишним балластом» и не оказывали ему и другим правоохранительным органам практически никакой помощи. При председателе горисполкома Тюмени т. Шмуклер даже ставился вопрос о «временном закрытии местного суда»¹².

Не удивительно, что при таком попустительстве властей, «поддержке» губрозыском уголовного мира, а также в условиях голода имущественные и иные преступления в Тюменской

¹⁰ Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 135. Л. 169, 170.

¹¹ ГУ ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 432. Л. 42.

¹² Там же. Л. 43, 45 (об).

губернии превышали все разумные пределы. Губернская правоохранительная система не могла обеспечить эффективной защиты населения.

В действовавших судебно-следственных участках следствие и судебное разбирательство велось крайне медленно, в течение многих месяцев. В результате зачастую преступники уходили от наказания, а гражданские дела утрачивали значение. Руководствуясь «революционным классовым правосознанием», а также учитывая крайнюю перегруженность тюрем, народные суды губернии нередко выносили порицания, выпускали на свободу под честное слово, часто принимали решения о досрочном освобождении и широко применяли условное осуждение, иногда проявляя неоправданную мягкость к лицам «пролетарского происхождения»¹³. Исполнение приговоров народных судов также затягивалось на год и более, так как поручалось оно милиции, а значит малограмотным и неопытным милиционерам. Медленное ведение дел и слабые судебные репрессивные меры, применяемые к грабителям, вора и погромщикам, вели к недоверию советскому суду. Народ говорил, что «правосудия нет, даже больше чем в прошлое время»¹⁴.

Эта ситуация долго продлиться не могла, поскольку она подрывала веру граждан в новый строй, в его законность и справедливость. В результате недовольство населения советскими судами ярко проявилось в ходе крестьянского восстания 1921 г. На территориях, занимаемых повстанцами, наряду с отменой декретов советской власти, ликвидировалась и большевистская судебная система. Так, народные суды перестали функционировать в Тобольском уезде, в сельских участках Ишимского, Ялуторовского и отчасти Тюменского уездов. Уголовные дела были уничтожены, некоторые сотрудники правоохранительных органов, «наряду со стойкими политическими партийными работниками», были убиты, а часть народных судей и следователей позднее были привлечены губернской чрезвычайной комиссией по обвинению в сочувствии повстанцам¹⁵. Восстанавливались мировые суды, судопроизводство в которых снова велось по судебным уставам 1864 г. Неимоверное распространение получили самосуды — кровавые расправы граждан с лицами, пойманными на месте преступления¹⁶.

С ликвидацией основных фронтов восстания летом 1921 г., работа судебно-следственных учреждений была в основном налажена. Но некоторые судебные и следственные участки в районах, где еще находились повстанцы, или просто по причине отсутствия подходящих работников, не функционировали до декабря 1921 — февраля 1922 гг.¹⁷

Волна народного возмущения новым строем заставила власти спохватиться и начать исправлять ситуацию. Большевистское руководство, разворачивая новую экономическую политику, провозгласило курс на укрепление правопорядка, соблюдение законности и поднятие авторитета правоохранительных органов. Губиспол-

¹³ ГУ ГАТО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

¹⁴ Там же. Ф. 280. Оп. 1. Д. 17. Л. 54

¹⁵ ГУ ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 432. Л. 17 (об).

¹⁶ Московкин В. В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917–1921 гг.). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999. С. 172–173.

¹⁷ ГУ ГАТО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 17. Л. 12(об), Л. 22(об), Л. 73.

ком и губком партии включились в борьбу за «широкое содействие работе органов юстиции, укрепление судебно-следственного аппарата и повышение авторитета суда»¹⁸.

В марте 1922 г. Уралбюро РКП(б) прислало в Тюмень опытного работника, бывшего председателя Екатеринбургского трибунала — Николая Степановича Пяткова. Под его руководством была произведена чистка кадров губернских правоохранительных органов. В мае 1922 г. председатель трибунала Перетягин был отстранен от должности, исключен из партии и отдан под суд¹⁹. Против администрации губернского уголовного розыска было заведено уголовное дело. Его слушание состоялось в открытом публичном судебном заседании Тюменского губревтрибунала, длившемся с 25 сентября по 13 октября 1922 г. (под председательством нового главы трибунала Сушкова)²⁰. По делу в качестве подсудимых был привлечен 31 человек, все они обвинялись в преступлениях по должности. В процессе судебного разбирательства было доказано более десяти фактов самочинных расстрелов и бесчисленное множество случаев пьянства, взяточничества и иных преступлений. На начальника милиции Желтовского в ходе судебного процесса было заведено отдельное дело «за бездействие власти».

Преступления, совершенные Брыляковым и его окружением, были признаны преступными действиями особо тяжчайшего характера, «нарушающими порядок управления государством», «дискредитирующими советскую власть в глазах трудящихся». Рядовые сотрудники губрозыска и «преступные элементы», факт сотрудничества которых с губрозыском был доказан, были приговорены к строгой изоляции в Тюменском исправительном доме на сроки от двух до восьми лет, с последующим поражением избирательных прав. В отношении некоторых дополнительно были назначены конфискация имущества и высылка «как лиц социально опасных» в Архангельскую губернию на один год. Десять человек, из которых восемь входили в администрацию губрозыска (в том числе Брыляков, заместитель начальника губрозыска В., начальники секретной части Л., К., М., инспектор Б., начальник секретной агентуры С., старший агент Е.), а двое были рядовыми агентами К. и Я., совершившими по два особо тяжких убийства, были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Однако для последних двух во внимание были приняты следующие смягчающие обстоятельства: молодость одного из них (18 лет), «возможность на исправление», а также их «пролетарское происхождение». Расстрел для них был заменен десятью годами строгой изоляции с дальнейшим поражением прав, для остальных восьми приговор был приведен в исполнение²¹.

Годы нэпа положили конец столь открытому правовому произволу на местах, однако уже в начале 1930-х гг. он возродился в иных, законодательных формах, но теперь уже на государственном уровне.

¹⁸ ГУ ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 432. Л. 27 (об).

¹⁹ Там же. Л. 42.

²⁰ ГУ ГАТО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 7. Лл. 100–113.

²¹ Там же. Л. 110–113.